

Скажите Мариинскому спасибо

В Санкт-Петербурге завершился самый крупный и самый престижный международный фестиваль в России — “Звезды белых ночей”. Его директор и художественный руководитель Валерий ГЕРГИЕВ накануне своего визита в Лондон, где параллельно с фестивалем проходят масштабные гастроли Мариинского театра на сцене Ковент-Гарден, дал нашей газете эксклюзивное интервью.

— Валерий Абисалович, вам не бывает жутковато при мысли о том, что в России Мариинскому театру нет конкурентов? Более того, когда так непредсказуемо складывается ситуация в Большом, создается впечатление, что альтернативы не обнаружится и в обозримом будущем. Не страшно удерживать такую высокую планку, быть все время на тысячу шагов впереди, существуя здесь фактически в оперном вакууме?

— Я не думал о конкуренции как о непереносимом залоге моей работы здесь. Мы все живем в одной и той же стране и находимся в одинаково трудных условиях. Иногда мне действительно кажется, что в Мариинском театре мы создали некий Ватикан. Но тем не менее мы не претендуем на какую-то невероятную талантливость всех и вся и вполне осознанно не называем себя громко первым театром. Наоборот. Большой испокон веков и до сих пор, а сейчас даже чаще, чем когда-либо, называют первым театром страны. Мне кажется, в настоящий момент эта тема звучит как-то особенно болезненно. Ведь первым можно быть назначенным, но это не будет отражать истинной ситуации, в нашем случае той, что в России складывается уже примерно двести лет. Я имею в виду проблему двух столиц. Их всегда было две: они существовали и на равных, и время от времени какой-то из городов назначался главным. Это и показательно. Я сейчас не стал драться за статус первого, я дрался бы за статус сильного. И буду. Впрочем, как и прежде. Да и коллектив Большого, я думаю, готов к такого рода борьбе. Но по большому счету сегодня для Мариинского театра конкурентная борьба возможна исключительно в глобальном пространстве: мы конкурируем все же не с Москвой, а с Западом.

— Продолжая тему двух столиц и двух театров, я хотела бы знать ваше мнение по поводу перманентно обсуждающейся идеи создания объединенной дирекции Большого и Мариинского театров.

— Я считаю, что объединение театров — это вопрос, который должны решать министры, а может быть, даже скорее, — Президент. Общий подъем, спад, кризис или расцвет — это те явления, за которые отвечают многие люди. Им надо собираться вместе и говорить. Не было еще такого министра, который бы все понимал и в опере, и в балете, и в музеях. У каждого своя специфика. Поэтому специалист в каждой сфере культуры должен выносить свое мнение на всеобщее обсуждение. На теме создания объединенной

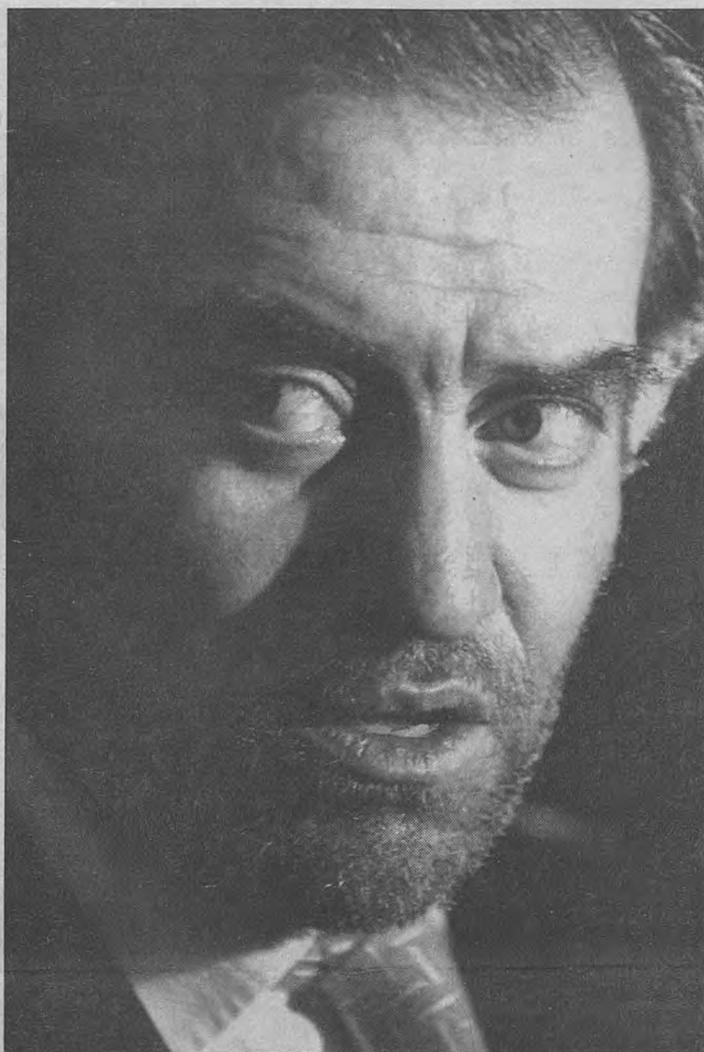

Фото Д. КОРОБЕЙНИКОВА

дирекции много уже спекулировали. Людям свойственно подхватить какой-то слух, при том, что источника информации никто не знает. Кто говорил об идее объединенной дирекции? Я, например, говорил об этом, в том числе в свое время и Виктору Степановичу Черномырдину. Я говорил и о том, что надо создать программу “Русская опера” и “Русский балет”. Здоровое зерно мне видится в выработке общей художественной программы, а не общего кабинета.

— Но для этого как минимум необходимо заинтересовать лучшие творческие силы в том, чтобы посвящать если не большую, то хотя бы солидную часть времени России, а не Западу. Выто как раз и могли бы поделиться опытом, как этого достичь.

— Существует голод на выступления известных дирижеров в России. Об этом мало говорят или вообще стыдливо умалчивают. Выдающийся дирижер Светланов или не менее выдающийся дирижер Рождественский, которые в 60-е годы выступали здесь, скажем, 60–70 раз в год, в 90-е появлялись в Москве или Питере по два раза в сезон или вообще отсутствовали. Не мне их критиковать: я просто описываю ситуацию. Когда музыкальный руководитель появляется за пультом Нью-Йоркского оркестра примерно 50–60 раз в сезон, то вы вправе ожидать, что качество оркестра будет хорошим. А если Госоркестр был без Светланова более одиннадцати месяцев в году, то не стоит труда спрогнозировать упадок. Это прискорбно. Мне было искренне жаль оркестр, который я обожаю, тот самый Госоркестр, которым я дирижировал, когда был еще совсем молодым. Я всегда с большим

уважением относился к его музыкантам, и мне очень жаль, что Светланов принял ошибочное решение, посвятив свои силы западным коллективам, а не своему. Я принял другое решение: в подавляющем большинстве своих репертуарных планов я опираюсь на Мариинский театр, на его коллектив — оперный, балетный, хоровой, оркестровый, на его технический комплекс, на фестиваль. А те фестивали, которые я создавал не в нашей стране, тоже опираются на Мариинский театр. Вот и вся история. Очень просто: важно, на чем вы концентрируетесь. Поэтому сегодня сила наша не в спонсоре и не в министре, а в нашей спаянности — в моей и коллектива. Мы вместе очень много делаем. Иногда хорошо, иногда что-то хочется сделать лучше.

— Не менее жестко стоит и проблема присутствия здесь солистов оперы и балета.

— С балетом в какой-то мере ситуация проще. Лучшие танцовщики сегодня, несмотря на свою славу, не так часто передвигаются по всему миру. Гораздо труднее регулировать трафик певцов, и артисты Мариинского театра в этом смысле — не исключение. Вообще русские сегодня поют в разных западных театрах: в хороших, в великих, в плохих... Десять лет назад пошла паника: нужно ехать куда угодно, только не оставаться в России. И поскольку разница в оплате огромная, многие пошли по этому пути. На это, кстати, сетовал Рождественский, уходя из Большого: но ведь данная ситуация ни для кого не новость. Разве он не знал, что разница в гонорарах здесь и там и сегодня остается несоизмеримой? Многие думают, что

в Мариинском театре платят много, поэтому наши артисты “делают вид”, что лучше поют или играют. На самом деле мы просто больше работаем, и у нас, по-моему, сейчас больше гастролов. Я никогда не говорю, что театр работает хорошо или великолепно, так же как никогда не называю себя великим дирижером. Я всегда повторяю: мы просто много работаем.

— График работы ваших артистов настолько плотный, что некоторые из них давно забыли, что такое отпуск. Я знаю, что во время фестиваля оркестранты порой имеют по три-четыре вызова в день. Это безумно напряженный ритм жизни. Вы не боитесь срывов?

— Конечно, нагрузки очень большие. Я думаю, что нужно немножко облегчить жизнь наших музыкантов, и в ближайшие два года я буду об этом думать, как никогда, часто. Мы на сегодняшний день заработали такую репутацию, которую уже вполне можно просто защищать и не надо увеличивать. Вот и фестиваль в этом плане весьма показателен: он был масштабным и прошел в целом очень успешно.

— Тем не менее дебют труппы Большого театра на фестивале был омрачен отсутствием Геннадия Рождественского...

— Мне непонятно, почему Геннадий Рождественский не приехал на “Белые ночи”. Здесь его ждали. Я воспринял его поступок как демонстрацию неуважения и к фестивалю, и к театру: мы договаривались с ним о выступлении фундаментально, объявили об этом событии на весь мир. Мне кажется, что Рождественский не очень представляет себе, какого уровня это фестиваль. Конечно, были времена, когда я еще учился, а он уже был выдающимся дирижером, но ведь такое соотношение сил — оно не навсегда. Мы тоже здесь уже что-то умеем. И в мире нас знают не меньше, а может быть, даже и больше. Мариинский театр сегодня — это та сила, с которой невозможно не считаться. Мнения отдельных людей в Нью-Йорке, Петербурге или Москве ничего не значат. Репутация Мариинского театра складывается из мнения тысяч и тысяч наших слушателей. Это и рецензии в печати, и телевидение, это и молва, и в конце концов — миллионы проданных билетов, которые люди покупают именно потому, что хотят увидеть и услышать качество. На наши нынешние выступления в Лондоне были проданы все билеты, причем — что меня даже угнетает, — за сумасшедшие деньги. Спрос огромный, значит, публика вправе ожидать от нас какого-то невероятного уровня. Может быть, мы даже не сможем его показать. Но бесспорно то, что мы сегодня находимся на гребне. В прошлом году наши гастроли в Ковент-Гарден были предельно успешными; поверьте мне. Вряд ли мнение прессы было таким уж преувеличенным, когда гастроли Мариинки сравнивали по значимости с гастролями дягилевской труппы. Я считаю, что мы очень хорошо поработали на репутацию России, и пускай то, что я сейчас об этом говорю, никого не раздражает — ни в Москве, ни еще где-нибудь. Это — правда. Можно, между прочим, и спасибо сказать за это коллективу.